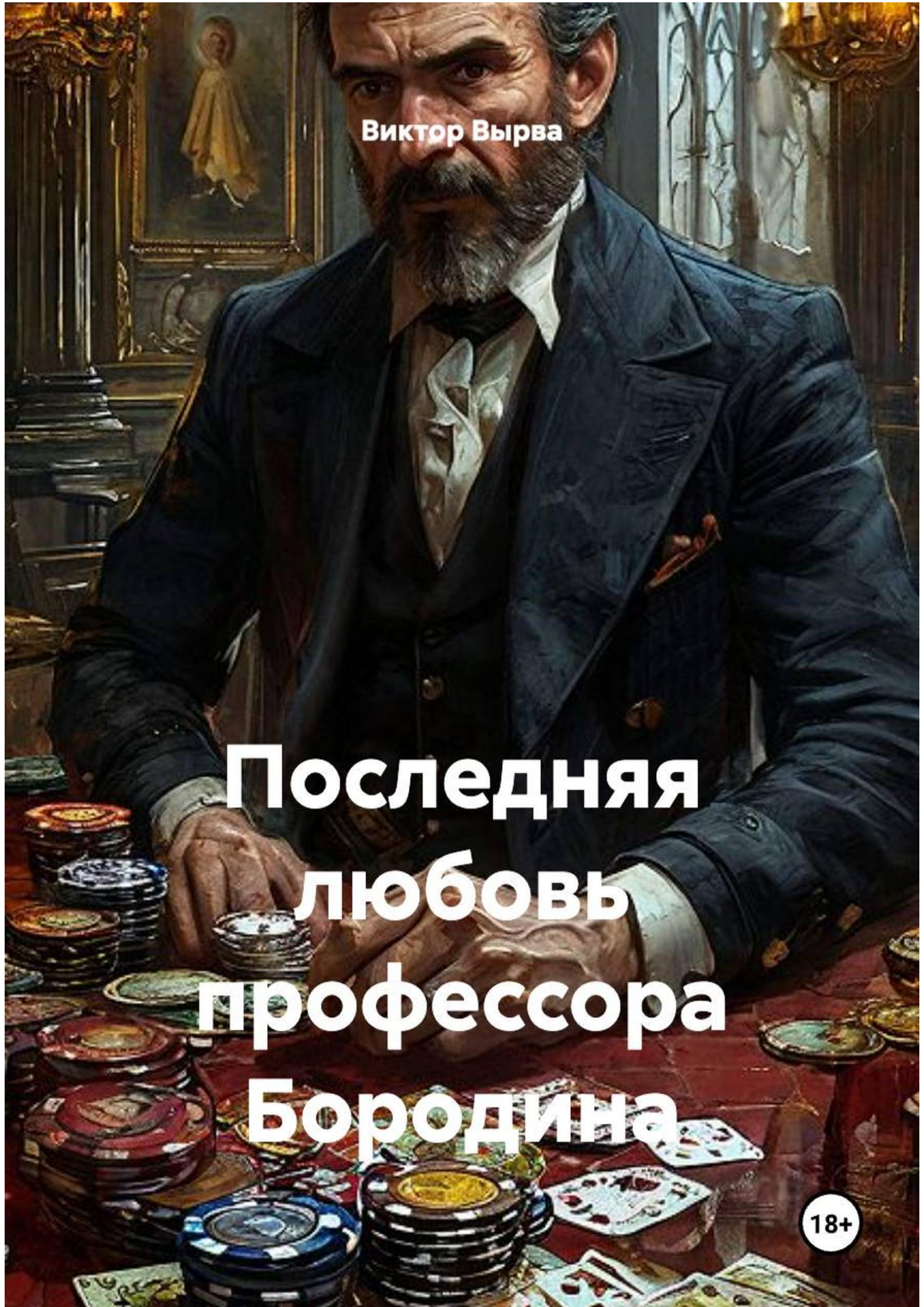

Виктор Вырва

**Последняя
любовь
профессора
Бородина**

18+

Виктор Вырва

**Последняя любовь
профессора Бородина**

«Автор»

2026

Вырва В.

Последняя любовь профессора Бородина / В. Вырва — «Автор»,
2026

Профессор Бородин - директор знаменитой Галереи, совершенно неожиданно проигрывает огромную сумму денег, вовремя отдать карточный нет никакой возможности. От безвыходности он решается на преступную авантюру, совершенно не догадываясь, к каким невероятным и роковым последствиям это его приведет.

Виктор Вырва

Последняя любовь профессора Бородина

Все герои реальны, все события вымышлены

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ ПРОФЕССОРА БОРОДИНА

Часть первая ДИРЕКТОР

Глава 1

У Директора Галереи была жуткая аллергия на авангардную живопись. Этот нездоровый ажиотаж вокруг неё, скандальную популярность и непомерный апломб новых гениев. В целом, Директор был очень уверенным в себе человеком и краеугольным камнем этой уверенности был самоконтроль. Он и в самом деле самодовольно полагал себя человеком устремлённым, волевым и вообще, всего добившегося лично. Уповая лишь на силу своего характера и интеллекта. Он не считал себя ханжой и консерватором. Не боготворил великих голландцев, мастеров русской школы или гениев эпохи возрождения, полагая, что таких живописцев нет, и уже не будет среди современного поколения.

Напротив, он с живым интересом следил за новыми направлениями в живописи, новыми именами. Хотя и была у него одна, но пламенная страсть - импрессионисты! Ах, как давно это было.

Он молод, да что там, неприлично юн, и он в Париже! И эта знаменитая выставка. Он был потрясён, нет, просто раздавлен. Казалось, вдруг набрал полную грудь воздуха и забыл выдохнуть — время остановилось. И в это мгновение на холстах зашевелились тени в кронах деревьев Булонского леса, замерцали блики света на водной глади прудов. Ему даже почудился шёпот листвы, неясные голоса и лёгкий всплеск далёкого женского смеха. Наверное, это наваждение длилось одну-две секунды, но в его душе оно, осталось, навсегда.

А тут. Они шли мимо так «называемых»... а как называемых? Что вообще ЭТО и как ЭТО назвать? А этот Малевич, краснобай и баламут. Глядя на его картины, понимаешь, что называется, основным инструментом художника может быть обыкновенная школьная линейка. Вот и этот профессор туда же: «меня интересует Малевич». Размышляя подобным образом, Директор почувствовал нарастающее раздражение и недовольно покосился на широкую спину приезжего профессора, застывшего перед очередным «шедевром».

Сегодня утром он появился в его кабинете.

— Здравствуйте! Профессор Спроге Геннадий Генрихович —несколько чопорно представился гость, и тут же, шагнул к столу Директора, с широкой улыбкой, протягивая руку.

—Я из Риги. А привело меня сюда дело, профессор, решить которое можно только у вас.

Директор некоторое время разглядывал утреннего визитёра. Примерно того же возраста, что и он сам. Отличный костюм, модный галстук, густые, чуть длиннее обычного волосы, зачё-

санные назад, тронуты сединой. Дополняли образ элегантные очки в дорогой оправе. Директор, и сам считавший себя в меру элегантным, заметил у рижанина лёгкий налёт богемности, но утончённой, а не вульгарной. Так что первое впечатление от знакомства было приятным, что он и озвучил, пожимая руку:

— Очень приятно. Бородин Сергей Петрович. Присаживайтесь, пожалуйста, - добавил Директор, кивнув на стул.

— Сергей Петрович! — Спроге всё ещё широко улыбаясь, смотрел на Директора. — Не представляете, какой восторг охватывает, когда я иногда оказываюсь в этих стенах! В этом храме искусства! Поверьте, здесь нет никакой дешевой патетики – это от переполненного сердца. – Рижанин чуть наклонился и доверительно добавил. — Тем более что ещё приятней, мой московский вояж хорошо оплачен. Настолько хорошо, что можно неплохо и со вкусом отдохнуть.

Директор слегка напрягся, нет ли тут какого подвоха? Вроде нет. Рижанин улыбается щедро и открыто, а глаза за стёклами очков озорно поблёскивают, казалось, вот-вот и он заговорщицки подмигнёт.

«Да-а, однако, этот профессор гульнуть не прочь» — неожиданно подумал Директор.

— Ну, так что за дело привело вас сюда, уважаемый Геннадий Генрихович? — этим вопросом Директор слегка пригасил некоторую игривость ситуации. Спроге непринуждённо убрал с лица улыбку.

— Меня интересует исключительно Малевич, и не, потому что являюсь его поклонником, — словно уловив лёгкое напряжение собеседника, он чуть приподнял ладонь над столом. — Видите ли, — доверительно продолжил Геннадий Генрихович — одно очень известное, очень солидное и, соответственно, очень богатое американское издание, заказало мне статью, скорее даже исследование этого, скажем так, феномена. Для изучения и популяризации. Так они объяснили свой интерес. Вы ведь знаете, какое внимание на западе сегодня приковано к русскому авангарду.

— Да уж наслышан — несколько желчно отозвался Директор, и тут же неприятно осознал, что гость мгновенно уловил его раздражение.

Теперь, пока они брели по залам современного искусства, это раздражение нарастало, как ни старался погасить его Директор. Наконец они остановились возле Чёрного Квадрата. Он был расположен не прямо на стене, как обычно располагаются полотна, а в так называемом «красном углу». Так вывешиваются иконы в крестьянских избах. Они остановились перед картиной. Наступило религиозное молчание.

— Ну, дорогой коллега, — обратился Директор к Геннадию Генриховичу, нарушив фальшивое благоговение. — Вы, профессор, получивший блестящее образование, видевший немало подлинных шедевров, изучивший по этому поводу множество исследований и прочее, и прочее. Что вы можете сказать, глядя на ЭТО, только честно?

— Честно? — Спроге покосился на набычившегося Директора. — Видите ли, коллега, — доверительно начал он, вновь возведя очи к Чёрному Квадрату. — Есть люди, которые считают, что истинной ценностью какого-либо произведения искусства, скажем картины, является не

только и не столько его художественная составляющая. Скажу больше, они вообще не придают этой составляющей никакого значения. Для них важнее то, сколько людей в мире будут просто знать об этом произведении и его авторе. Понимаете, не всестороннее изучение его творчества и даже не поверхностное знакомство. А просто знать наизусть название произведения и его автора. Хотя, впрочем, достаточно чего-то одного. — Спроге замолчал, поглядывая сбоку на Директора. Тот тоже молчал, видимо обдумывая услышанное. Тогда рижанин, как бы подводя итог, добавил:

— Просто миллионы людей должны запомнить название произведения и имя автора.

— Так как же добиться от совершенно разных людей такого единодушного запоминания, как вы выразились? — воскликнул Директор, не понимая, куда клонит рижанин.

— Скандал, — коротко и веско произнёс тот. — На фоне уже заранее искусственно созданного и подогретого интереса нужен скандал. Он-то и помогает такому запоминанию. И уже не важно, из-за чего скандал и что изображено на картине, а если не важно, то пусть это будет Чёрный Квадрат.

Директор с удивлением уставился на странного профессора. Тот непринуждённо стоял напротив холста, чуть расставив ноги и сцепив руки за спиной. Слегка закинув голову он, казалось, внимательно разглядывал скорее раму, чем сам холст.

— А это подлинник? — поинтересовался Геннадий Генрихович.

— Разумеется, — сухо ответил Директор и замолчал, подчёркивая, что комментариев не будет. Но Спроге уже широко улыбается, повернувшись к нему.

— Что вы, что вы! Это ведь простое любопытство. Ну как же, такой шедевр, и я перед ним! — Спроге уже откровенно смеялся, но не злорадно, а весело и заразительно. — Будет, что рассказать жене и коллегам. А что касается этого, — профессор небрежно махнул рукой в сторону картины — то, не стоит забивать себе голову в поисках какого-либо смысла, где нет и быть не может каких-то смыслов по определению. Но вот интерес к нему есть и за это некоторые готовы заплатить. Вот в этом и весь смысл. Так что пойдёте, дорогой Сергей Петрович. Мне нужны от вас некоторые сведения уже сегодня. Надо же отрабатывать гонорар, а вечером приглашаю вас с супругой посидеть в каком-нибудь ресторанчике с приличной кухней.

— Прошу меня извинить, но сегодняшний вечер у меня решительно занят, да, к тому же, и жена в отъезде, — вежливо, но категорично отказал Директор, и добавил - пройдёте для начала в архив, начнём оттуда.

Ему уже стала порядком надоедать эта особенность поведения профессора: некая смесь лёгкой насмешливости и, почти неуловимой, развязности.

— Но ничего сможете в другой раз, — беспечно откликнулся рижанин — я здесь не на один день.

Спроге неожиданно оказался энергичным и вдумчивым в работе. Ни одного лишнего слова, каждый вопрос выверен и к месту. Когда подошло время обеда, работа, запланированная на сегодняшний день, по словам Спроге, была выполнена. Он собирался до вечера ещё поработать в отеле с материалом и посему откланялся, напомнив, что непременно явиться завтра.

Глава 2

Тут надо сказать, что была у Сергея Петровича маленькая и тайная страстишка, которую он сам так бы не назвал никогда. Очень любил Сергей Петрович сыграть в карты и сыграть непременно на деньги, потому как, по его глубокому убеждению, именно ставка на звонкую монету, придавала азарту игры особую напряжённость и драматизм.

Как человек высококультурный, с отменным художественным вкусом, воспитанным с детства и отшлифованным блестящим образованием, Сергей Петрович не мог не понимать всей вульгарности и низменности страстей, побуждающих его снова и снова брать в руки карты. Но и устоять перед накалом первобытных чувств он не мог. А как человек умный, Сергей Петрович, проанализировав ситуацию, пришёл к выводу, что если неукоснительно соблюдать определенные правила, то можно иногда отдаваться этой страсти и не потерять при этом лица и состояния. А далее всё как у старика Хайяма — закон игры, обязанный для всех: где, с кем играть и на какие ставки, ну и так далее.

Конечно же, Хайям говорил о страсти потребления вина, но Сергей Петрович справедливо провёл здесь аналогию со страстью к карточной игре и свято соблюдал «все эти оговорки». Ключевым же моментом для него являлось — с кем играть.

Постепенно, как-то само собой, образовался их кружок единомышленников. Для себя они скромно именовали свою компанию клубом. Все мужчины, всем за сорок, все прекрасно образованы, имеющие солидное положение и достаток. Число этих лиц было невелико и со временем менялось совсем незначительно. Кто-то уезжал, кто-то, и того хуже, случалось, «уходил», так что изредка в клубе появлялся новичок. Естественно по рекомендации одного из членов клуба и естественно соответствующий, как кандидат, всем вышеописанным клубным требованиям.

Клуб не имел постоянного места для собраний, и это одобрялось всеми членами клуба. Важны были уединённость и комфорт, соответствующий их положению. В выборе игры все были демократичны и не делили их на плебейские и элитарные, ведь каждый понимал, что суть и азарт игры не в названии и не в правилах. Но все дружно презирали преферанс, и кто-то метко окрестил его игрой для евнухов.

Сами вечера случались нечасто и нерегулярно, так, как уже упоминалось, положение и должности членов были солидны, и, соответственно положению была и их занятость. Играли хоть и крупно, но имелся предел от 100 до 200 тысяч. Конкретная сумма высшей ставки назначалась перед игрой, и играли только на наличные.

Но если случится, что в ходе игры оставалось двое, банкомёт и игрок, и ход за игроком, а в банке предельно допустимая сумма, то игрок имеет право нарушить правило и превысить предел. Таково было исключение, и сделать его позволялось игроку лишь единожды. После этого полагалось вскрыть карты. Но такое случалось очень редко.

В их среде, конечно, принимался и блеф, как тактический элемент игры, но отвергался блеф наглый и необоснованный. Потому и немудрено, что если и случался такой экстраординарный случай, то оба участника подходили к такому финалу с очень сильным подбором карт.

Тут надо добавить, что допускалось ещё одно исключение. Если у финалиста к этому моменту заканчивалась наличность, он имел право выписать чек на необходимую сумму или написать расписку, обязуясь погасить долг не позднее третьего дня. Опять же, подразумевался крайний случай.

В тот знаменательный вечер как раз и намечалось собрание клуба, и Сергей Петрович с утра находился в приподнятом настроении, которое надо признать, несколько омрачил визит этого Спроге с его Малевичем. Так что Сергей Петрович был рад, что отделался от профессора, который так раздражал и привлекал его одновременно.

На этот раз собрание клуба происходило в охотничьем домике за городом. Когда он подъехал к месту сбора, то уже забыл и о Спроге, и о Малевиче, с его «чёртовым квадратом». Тут надо сказать, что не так давно, где-то с полгода, в их клубе появился новый член. Разумеется, по рекомендации, разумеется, отвечающим всем клубным требованиям и, разумеется, при почти единодушном одобрении его членов. Почти, потому что сам Сергей Петрович не принял совсем уж полностью, Алексея Ивановича. Глубоко в душе, что-то в нём было совершенно неприемлемым для Сергея Петровича.

Нет, Алексей Иванович, конечно, полностью соответствовал всем канонам клубной этики: был сдержан и не давал ходу эмоциям, даже выпив коньяку (употребление спиртного в клубе не поощрялось, но и не возбранялось, сам Сергей Петрович предпочитал виски) не злословил по чьему-либо поводу и не вёл пустых разговоров. Напротив, Алексей Иванович был учтив и приветлив. И всё же... ну не принимал его нутром Сергей Петрович! То ли эта его раскрепощённость, смахивающая, скорее, на развязность, то ли его, не то чтобы показное, но заметное выставление богатства (один перстень чего стоит). Как же, сынок самого товарища П. — члена политбюро!

Хотя среди них было не принято распространяться о делах и связях вне клуба, все знали друг о друге, всё, и этим довольствовались. Конечно, все знали, чей Алексей Иванович сын. Знали и то, что он единственный в их знатной семейке. Как водится, баловень, и то, что в молодости он изрядно покутил, да так, что отец даже чуть из дому его не выставил, но сейчас он давно остепенился и делает блестящую карьеру по внешнеэкономическим связям.

Мне лично думается, что Сергей Петрович просто инстинктивно недолюбливал таких вот «маменькиных» и «папенькиных» сынков, которые получили в жизни всё, просто так, на блюдечке, не приложив к этому никаких усилий. Просто так им далось прекрасное образование, учёная степень, солидная должность, положение в обществе. Всё это они получили просто так, лишь в силу своего положения.

А вот Сергей Петрович всего добивался лично, своим умом, талантом и трудолюбием, отказывая себе с ранней юности буквально во всём. Так что Сергей Петрович испытывал к таким людям лёгкое, но искреннее презрение, и вполне отдавал себе в этом отчёт. На самом деле это глубинное чувство было самой, что, ни на есть классовой ненавистью. Но в этом Сергей Петрович, ни за что бы, ни признался, даже себе самому.

В тот вечер, кажется, ничего не предвещало беды. Никаких предчувствий, либо, знаков. Ничего. Напротив, собираясь в клуб, он ощущал будоражащее предвкушение азарта, риска, и жажда приключений требовала скорейшего утоления. Это было столь необычно, что он задумался ненадолго о том, что, пожалуй, похожее чувство он испытывал много лет назад. Тогда

откуда оно возникло именно сегодня? Он вспомнил, что именно такой силы было его предвкушение игры этак лет шесть-семь тому назад, и тогда, он не находил в этом возбуждении ничего необычного. Просто тогда он был моложе. Просто теперь он стал старше и скучнее.

Глава 3

Настроение не исчезло, и в назначенное время он бодро взбежал по лестнице, помолодевший на несколько лет. В большом полукруглом зале, стояли мягкие кресла, несколько невысоких широких столиков для напитков, а стены и проёмы меж высоких окон, украшали чучела птиц и рептилий. Все были уже в сборе.

Сергей Петрович, стараясь не привлекать внимания, плеснул себе в стакан виски, с лёгким неудовольствием отметив при этом некоторую поспешность. Непосредственно к самой игре приступали далеко не сразу. Все ведь здесь люди значительные и принято было для начала поговорить, побеседовать, так сказать, солидно и обстоятельно на какие-нибудь, опять же, солидные темы, удобно устроившись в кожаных глубинах огромных кресел, созданных специально для таких солидных задниц. Тут въедливый читатель может заподозрить — а не заносит ли автора в сторону субъективного морального обличения? Нет, и ещё раз нет. Это не мысли автора. Просто именно такими, видело своих коллег по клубу «второе глубинное Я» Сергея Петровича: косных и самодовольных. Видело их насквозь, безо всяких слов, точно зная истинную цену каждого. Такое точное и мгновенное знание без слов, надо сказать, было совершенно естественно для глубинного двойника. И такая его точная оценка обычно холодна и беспристрастна.

«Второе Я» Сергея Петровича также всё Видело, и всё Знало, но было далеко не беспристрастно и смотрело на всех глазами полными лютой ненависти. И в этом нет ничего удивительного. Ведь «первое Я» Сергея Петровича даже не подозревало о существовании «второго глубинного Я». И пока, в силу этого незнания, «Я первое» упивалось своим безграничным эгоизмом, «второе Я» Сергея Петровича оказалось в таких глубинах подсознания, что глубже и некуда. Так что имей оно даже реальный голос, ему было ни за что не докричаться до его «первого Я», сияющего в блеске высокого положения и без остатка, поглощенного сиянием собственной значимости.

Ну, а пока «второе Я» пребывало в мрачных глубинах безвестности, «Я первое» в самодовольной уверенности своей уникальности, готовилось приятно провести вечер.

Обычно Сергей Петрович активного участия в пространных беседах, предваряющих игру, не принимал. Он просто сидел, как бы даже немного отдельно от всех и внимательно следил за разговором, то посмеиваясь где надо, то недоумённо вздёргивая брови, если понадобится. Даже если речь заходила о живописи, Сергей Петрович отделялся обычно общими фразами, потому что поводом служил, как правило, какой-нибудь знаменитый аукцион с его очередным рекордным лотом. И все обычно говорили не об уникальности и художественной ценности приобретения, а о том, кто же этот таинственный мистер Х, приобретший шедевр. Банкир при этом делал, как правило, своё дежурное замечание, мол, какова будет прибыль с этого приобретения лет, этак, через 20 и будет ли вообще, и заканчивал тем, что подобное капиталовложение достаточно рискованно. Тут все с ним соглашались и меняли тему. Кроме живописи любили поговорить и вообще об искусстве. И тут две темы были вне конкуренции: современный театр и кинематограф.

Сергей Петрович присоединился к компании, как обычно, после всех, и чуть повернув своё кресло к камину, приготовился расслабиться в его кожаном чреве, потягивая виски, и рассеяно следя за разговором.

В тот вечер градус возбуждения у почтенного собрания явно превышал норму.

— А, вот и Сергей Петрович, наконец-то! — оживлённо обратился к нему моложавый генерал-штабист. — Наш молодой товарищ, любезный Алексей Иванович, просто ввёл нас в прострацию, своими рассуждениями. Алексей Иванович, кстати, три дня, как из Америки и рассказывает, какое на западе превалирует отношение к искусству вообще и к живописи в частности. Ну же, Алексей Иванович, повторите всё для нашего эксперта.

Алексей Иванович сидел прямо, и как бы возвышаясь над остальными. Вид он имел безучастный.

— Ну да, — невозмутимо заговорил он — там считают, и я полагаю, совершенно справедливо, что искусство является лишь частью рынка, пусть прекрасной и возвышенной, но частью. У них нет и в помине никакого особенного благоговения и преклонения перед чистым искусством. Нет никакого интереса к замыслу и технике, тончайших нюансов и прочей субъективной ерунды. Всё это серьёзно мешает бизнесу, так у них говорят. Картины - это товар, пусть особенный, но товар. Ценность какого-либо полотна определяет её денежный эквивалент. Художественную составляющую в расчёт не берут.

— Ну вот, видите, товарищи, вот она — буржуазная бездуховность во всей красе! — воскликнул Генерал, картинно разводя руками. — Да, пусть они пока богаче нас будут, но не просвещеннее! Загонять культуру в жёсткие рамки рынка, это варварство! Так что запад загнивает: банально, но точнее не скажешь!

Все с изумлением смотрели на Генерала. Этот возбуждённый тон, покрасневшее лицо и сверкающие глаза. Такого накала страстей никак не допускалось и при крупной игре, и уж тем более в простой беседе. Тем неожиданней было услышать всё это от Генерала. Всё-таки офицер. Даже Банкир вынул изо рта неизменную сигару, забыв при этом закрыть рот.

Сергей Петрович отлично понимал, откуда у Генерала столько возмущённой патетики. «Видимо опять с женой поругался» - подумал он, разглядывая красное лицо Генерала. Дело было в том, что генеральша, известная театральная актриса, женщина, безусловно, красивая, несколько лет назад всерьёз увлеклась современной живописью. Что ж, прекрасно, казалось бы. Посещай выставки, выписывай журналы. Но она твёрдо решила собирать личную коллекцию. Но если вначале её увлечение носило невинный характер, то с некоторых пор Генералу всё это стало влетать в копеечку. Хотя, скорее всего, Генерал заподозрил, что её увлечение живописью имеет и другие причины. Дело в том, что на горизонте возник молодой гений-авангардист, которому прочили блестящее будущее, и чьё творчество всё сильнее воздействовало на его красавицу жену.

Сергею Петровичу вдруг захотелось в кои-то веки вступить в дискуссию. И даже очень захотелось дать достойный отпор Алексею Ивановичу, этому «отпрыску номенклатуры».

— Ну, ну, успокойтесь, дорогой Всеволод Андреевич. Вы сами для нас, как живой пример нашего, прежде всего, культурного превосходства, над их бездуховностью. Казалось бы,

военная косточка, суровый быт, скупые чувства. Ан, нет! Вы знаток, и хороший знаток живописи, хоть стараетесь этого не афишировать. Много ли у них (опять же, отсылка к «прогнившему западу») найдётся таких генералов?

Сергей Петрович произнёс всё это размеренным и слегка снисходительным тоном. Спокойный голос на самом деле скрывал нарастающую холодную ярость. Он почему-то решил сегодня отпустить поводья своей сдержанности.

Генерал как-то сразу обмяк в своём кресле и растеряно посмотрел на Сергея Петровича, ощутив видимо в добродушной и даже хвалебной защите и долю совсем не добродушной иронии.

Все молчали и смотрели на Сергея Петровича уже не как на партнёра по игре, а как на профессора искусствоведения. Профессор, между тем, выдержал эффектную паузу, оглядывая партнёров, словно притихшую студенческую аудиторию.

— Всё это конечно, так, дорогой Алексей Иванович, — продолжил он, наконец, смотря на него, но на самом деле обращаясь ко всем. - Всё это, безусловно, имеет место в современном мире: и рынок живописи, и лавина абсурдности, называемая современным искусством. Шумиха и скандалы, вообще характерны для любого рынка. Я тоже не нахожу в этом, как и вы, Всеволод Андреевич, - опять легкий поклон в сторону помрачневшего Генерала - ничего от искусства и культуры. Я признаю это как свершившийся факт, как некий исторический отрезок. Скажу даже больше – я не только признаю само существование этого явления, но и то, что оно имеет своё место в мире и полное право на существование.

Сергей Петрович с удовлетворением отметил некоторое недоумение, появившееся на лицах слушателей. Даже Банкир позволил себе слегка приподнять одну бровь.

— И не ждите сейчас от меня разоблачений и вскрытия язв. — Опять повисла пауза.

— Товарищи, - продолжил Сергей Петрович — я повторяю: признавая сие явление и даже соглашаясь, на право, его существования, я вовсе не презираю его. Мой художественный вкус не оскорблён, а разум не кипит от возмущения. Опять следует интригующая пауза.

—Я отношусь ко всему этому безразлично. Для меня это явление - ноль, пустота, Чёрный Квадрат, если хотите. Да, друзья мои, несмотря на шумиху и большие деньги, для меня всё это - пустое место.

Тут Сергей Петрович, надо сказать, изрядно лукавил, ибо его опыт, образование и тонкий вкус были оскорблены, и оскорблены смертельно, а его безразличие было лишь маской. Но в этот миг эта маска холодного безразличия была как никогда безукоризненна и сияла почти космической отрешённостью.

—Я хочу закончить, и надеюсь, что не слишком утомил вас. Я постарался быть как убедителен, так и краток, для такой обширной темы.

Так вот друзья, — Сергей Петрович теперь смотрел и обращался, именно к Алексею Ивановичу. Тот сидел всё это время спокойно и не выглядел обескураженным. Всё это время он внимательно слушал, глядя на Сергея Петровича, не пытаясь даже что-то вставить в одной

из его многочисленных пауз. Профессор вдруг почувствовал лёгкое беспокойство. И тут же отбросив всю эту лирику, не отводя от Алексея Ивановича взгляда, закончил:

—Весь этот вздор занимает сегодня, к сожалению, своё место в мире искусства, а его масштаб, подозреваю, значительно раздут и имеет, в основном, хождение в богатой и технологически продвинутой части западного мира. Но, подчёркиваю, это всего лишь часть всего огромного многообразия мировой культуры. А относиться безразлично к этому надо потому, что всё это временно. Надо просто смотреть на эти вещи и понимать, что пошлость, моральное и нравственное разложение, все эти маргиналы от культуры, скоро сгинут, как грязная пена, и человечество вновь вернётся к истинным ценностям настоящей культуры.

Сергей Петрович замолчал, продолжая сверлить взглядом Алексея Ивановича и всё явственнее ощущая тревогу от его невозмутимости. Алексей Петрович смотрел на него с какой-то безжалостной заинтересованностью, с какой, наверное, вивисектор смотрит на приготовленную и закреплённую для опыта, мышь. Никто, разумеется, не аплодировал великолепному выступлению профессора. Но все, безусловно, поддержали его; кто взглядом, кто жестом, кто коротким замечанием. Все сдержано улыбались, снисходительно поглядывая на Алексея Ивановича. Банкир принялся раскуривать потухшую сигару, как бы говоря Алексею Петровичу, что такие аргументы тебе, батенька, крыть нечем. Да и все ощущали какое-то особенное возбуждение перед сегодняшней игрой, отметив про себя мастерский ход профессора, как опытного игрока. Итак, все было решили, что тема закрыта, и победа за Сергеем Петровичем.

И тут это степенное оживление членов клуба, готовящихся перейти к главному действию, прервал голос Алексея Ивановича:

— Глубокоуважаемый профессор, — произнёс он с ледяной учтивостью. Все на мгновение замерли, и эта короткая пауза таила в себе продолжение интриги. Все поняли, что у Алексея Ивановича имеется в рукаве крупный козырь, а когда он продолжил, уже внимательно его слушали.

Я с бесконечным почтением отношусь к вашему высокому положению и безупречному вкусу - продолжил он с той же ледяной учтивостью. - Поверьте, Сергей Петрович, я очень вас понимаю и признаю, что всё талантливое и прекрасное не может вызывать отторжения или даже отвращения у большинства здравомыслящих людей. Более того, как сын своего отца, старого большевика, сам, как коммунист, вижу и осознаю культурное разложение западного общества. - Несмотря на патетику, голос Алексея Ивановича оставался холодным и бесстрастным. И эта холодность придавала казённым, казалось бы, словам неожиданный вес.

—Все здесь присутствующие не просто уважаемые и образованные люди, но прежде всего, люди, занимающие важные государственные посты, и вам я могу приоткрыть, так сказать, государственную тайну. Тут уж все обратились в слух, а Алексей Иванович продолжил:

— Я, товарищи, был в Америке не как разведчик, ищущий слабые стороны противника, а как специалист, подготовленный для изучения его сильных сторон и достижений. С целью их применения как инструмента, т.е. отсекая всё идейно-пропагандистское и оставляя всё практичное и полезное, для достижения главной нашей цели — построения коммунистического общества. Всё это общие слова, словно отмахиваясь от налёта политинформации, продолжал Алексей Иванович. От прежней холодности его тона не осталось и следа, напротив, за этой напускной доверительностью явно чувствовалось желание поделиться с ними какими-то зна-

ниями. Все были уже довольно заинтригованы, и даже на время забыли об игре. У Банкира опять погасла сигара, а директор одного оборонного предприятия буквально впился глазами в Алексея Ивановича.

Сергей Петрович воспринимал всё происходящее как-то отдельно. Разум его расчётливо следил за ходом мысли оппонента, воспринимая произносимый текст как хорошо отлаженное записывающее устройство. А внутри его уже поднимало голову «второе Я», бесправное и, казалось, навеки похороненное. И оно уже почуяло, что, несмотря на всю непоколебимую убежденность в своей уникальности «Я первого», оно скоро выйдет из небытия и предстанет во всём своём великолепии. Сам же Сергей Петрович ощущал всё, как непонятную и тревожную дрожь. Но тревогу эту он воспринимал как ожидание продолжения схватки за карточным столом.

А Алексей Иванович, всё в том же интимно-корпоративном тоне, говорил:

— Вы все знаете азы социалистической экономики, имеющее плановую основу и в корне отличную от их анархии свободного рынка. Так вот, сильные стороны свободного рынка я и моя команда аналитиков и изучали для нашей же пользы. И вот какой вывод был нами сделан и принят как основа. Никакой свободы рынка и саморазвития нет и в помине. Всё это блеф и запудривание мозгов. А есть жёсткое и чётко выверенное руководство и тотальный, хотя и скрытый контроль, буквально над всем, что приносит прибыль. Итак, мы установили, что контроль этот имеет глобальный характер, и осуществляют его люди, обладатели, как незаурядного состояния и положения, так и незаурядного ума. И, смею вас уверить, что это вовсе не те люди, о которых пишут в газетах и трубят по радио. Говорит ли это о регулировании и планировании? Безусловно. Всё дело в том, в какой мере происходит такой контроль. Опять же, контроль глобальный и всеобъемлющий.

Алексей Иванович обвёл присутствующих взглядом. Все хранили молчание. Он расценил его, как некоторое недоверие и добавил:

— Нет, конечно, существуют определённые сегменты рынка, обладающие полной или частичной свободой. Но поверьте, их количество и влияние столь незначительно, что только подчёркивает общую картину. Да и эти незначительные детали рынка тоже, если не контролируются, то, безусловно, учитываются. Так что свободный рынок, это сказки для публики, иллюзия, позволяющая поддерживать иллюзию постоянного обновления, естественного развития и прогресса.

Все обескуражено молчали, и тут Сергей Петрович вставил меткое, как ему думалось, замечание:

— Разумеется, всё, о чём вы рассказали, верно. Есть рынок крупной промышленности, сырья, финансов. Возможно, он находится под жёстким контролем. Но вот, что касается искусства, в частности изобразительного...

— То оно также является частью рынка и находится под жёстким контролем – бесцеремонно перебил его Алексей Иванович, – а все эти рассуждения о чистом искусстве, лишь красивые слова. Есть всеобщий, строго контролируемый и регулируемый рынок.

— Всё это какой-то капиталистический бред! Я не сторонник плоских обобщений и штампов – решительно вклинился Сергей Петрович, с праведной яростью и оглянулся в поисках поддержки, но все молчали. Алексей Иванович изобразил ироничный поклон и продолжил, как ни в чем, ни бывало:

— Вы знаете, что такое – бренд? – мягко спросил он, и обвёл присутствующих взглядом. Все недоумённо переглянулись.

— Бренд это популярная торговая марка с устойчивой репутацией. Всего-навсего. И эта бесцветная, неопределённая формулировка является ключевым звеном системы. Поверьте, это безупречно отлаженный и чётко выверенный механизм, по созданию и продвижению брендов, механизм, не дающий сбоев. Это относится ко всему, что имеет хождение на рынке и рпиносит прибыль: и к товарам, и к финансам, и к произведениям искусства. Так вот, и пресловутый Чёрный Квадрат – это тоже бренд, а сколько в нём художественного смысла, не имеет никакого значения.

— Так получается, по-вашему, и Мона Лиза – торговая марка с устойчивой репутацией? — насмешливо вставил Сергей Петрович.

— Вот именно, — снова следует насмешливый полупоклон в сторону Бородина – и Бетховен, и Достоевский, и Кока-кола. Сергей Петрович почувствовал, что теряет контроль и готов на всё, чтобы поставить на место этого зарвавшегося номенклатурщика. Видимо уловив, что дело движется к прямому конфликту двух мировоззрений, вовремя вмешался Банкир и в силу своего авторитета он решительно остановил культурную дискуссию:

— Всё, всё, достаточно споров, или вы забыли истинную цель наших нечастых собраний? — Он взмахнул потухшей сигарой, — давайте уже к столу, товарищи. Все с облегчением зашевелились, выбираясь из кресел.

Сергей Петрович, наконец, взял себя в руки. В самом деле, всему виной, по-видимому, скрытая, личная неприязнь, а это уже никуда не годится. Он одним глотком допил остаток виски, отметив, что руки не дрожат, и он полностью контролирует себя. По виду Алексея Ивановича тоже нельзя было заметить скрытого возбуждения, и все спокойно заняли свои места.

Глава 4

Поначалу игра складывалась как обычно, и даже скучно. Все были сдержаны и деловиты. Прошёл один круг без особых событий. Затем второй, также ничем не отмеченный. Казалось, весь пар был выпущен в этом, по сути, несерьёзном споре. Очередным банкиром теперь предстояло быть Сергею Петровичу.

Игра не клеилась ни у кого. Бывают такие редкие моменты, когда все, как сговорившись, сбрасывают карту и банк почти не растёт. Конечно, такое положение вещей не способствовало азарту, того, особенного свойства, остро приправленного умеренным риском. Конечно, если Сергей Петрович и задумывался о подобных вещах, то не столь глубоко и образно, но размеренную и однообразную профессорскую жизнь это здорово скрашивало и даже придавало какой-то смысл. А пока...

А пока иногда, кто-нибудь поддерживал ставку, докупал карту-другую и тут же, пасовал. Алексей Иванович вышел из игры вторым, никак себя не проявив. Банк подрос совсем незначительно, и Сергей Петрович начал сдавать на следующий круг.

Все разобрали карты и устали в них. И опять дальше поддержки никто не шёл. Вот и Банкир, прикупив карту, сокрушённо вздыхает, не обращая внимания на партнёров. Первым пасует Генерал. Он весь пошёл красными пятнами и с трудом сдерживал раздражение. Партнёрам было невдомёк, откуда в нём такой накал страстей, но бедного Генерала терзали смутные сомнения, по поводу увлечения жены современным искусством, а конкретно, одним его молодым представителем. Ювелир невозмутимо поддерживает ставку, но сверху не даёт, ни рубля.

Сергея Петровича мало волнует вялый характер игры. По сути, он ведёт игру машинально. Его всерьёз зацепили самодовольные рассуждения этого выскочки, о всесии рынка. И дело даже не в том, что он лепит торговый ярлык ко всему подряд. Он даже готов согласиться в глубине души, что во многом Алексей Иванович прав – престиж и деньги, вот тот образ, мысли и чувств, владеющий подавляющим большинством человечества. Чёрт с ними, он-то принадлежит к меньшинству. Но он не в силах был простить Алексею Ивановичу высокомерный апломб дилетанта. «Куда ты лезешь, выскочка? – хмуро размышляет он, — ведь за душой ничего нет, ни вкуса, ни воспитания».

А пока Сергей Петрович также машинально скидывает три карты, и, прикупив, неожиданно получает очень сильную комбинацию. Тут же мелькает мысль, а не выдал ли он себя мимолётной эмоцией. Но, кажется, нет. Партнёры смотрели в свои карты всё с той же унылой задумчивостью.

Сергей Петрович осторожно перевёл дух и ещё раз окинул взглядом поскучевшую компанию. Ну, что ж, сейчас главное поднять банк и не спугнуть партнёров. Но как он не осторожничал, все по очереди скидывали карты. В конце концов, против него остался лишь Алексей Иванович.

«Ну, что ж, прекрасно, — подумал Сергей Петрович с мрачным удовлетворением — тут уже дело не в выигрыше, а в принципе». В своём выигрыше он почти не сомневался, слишком осторожны до этого были действия Алексея Ивановича. Ну не может же он вести такую тонкую игру.

Сергей Петрович подтвердил ставку, изобразив скрытые сомнения, и добавил сверху ещё тысячу. Он развернул карту и постарался посмотреть на неё отстранённо. Всё верно, вряд ли у Алексея Ивановича на руках уникальная комбинация, судя по его сдержанной игре, это маловероятно. Нет, Алексей Иванович должен пасовать, а если подтвердит ставку, то это будет сто-процентный блеф.

Сергей Петрович пристально посмотрел на Алексея Ивановича, не скрывая особо своих чувств. Тот, казалось, стоял перед сложным выбором, весь погрузившись в размышления. Наконец он откашлялся и проговорил:

— Подтверждаю, и пятьдесят сверху.

От неожиданности Сергей Петрович непроизвольно откинулся на спинку стула, изумлённо глядя на соперника. Что это значит? Наглеет, берёт на испуг? Пора проучить этого

зарвавшегося типа, решил он, и, если прежде ему достаточно было морального удовлетворения, но теперь он захотелось раскрутить его на приличную сумму.

— Поддерживаю и двадцать сверху. — С ледяным спокойствием сказал Сергей Петрович, и двинул на середину стола всю свою оставшуюся наличность. В банке уже была критическая сумма. Сто двадцать тысяч. Теперь ход за Алексеем Ивановичем. У того было два варианта: подтвердить ставку или сбросить карты. Но тот выбирает третий, чем застаёт Бородина врасплох.

— Поддерживаю и двести сверху, — бесцветным голосом произносит Алексей Иванович и вываливает на стол денежные пачки. Все остолбенели. В банке триста двадцать тысяч! Первым опомнился Банкир.

— Товарищи! — торжественно провозгласил он. — Вынужден напомнить вам об основном положении нашего клуба — вы имеете право превысить предельную ставку лишь единожды, и с этого момента вы лишаетесь этого права.

Соперники ничего не ответили на это и не сводили друг с друга горящих глаз. Первая мысль Сергея Петровича, мелькнувшая как искра — сбросить карты. «Ну, не-е-т, он блефует, наглый ублюдок! Это вполне в его духе, разумеется, карта его сильна, но я не выдал себя ничем, и он даже не подозревает, ЧТО на руках у меня». Такие мысли проносились в его голове, а вслух он спокойно произнёс:

— Я подтверждаю ставку и прошу у клуба отложенный платёж, на трёхдневный срок, в случае проигрыша.

— Принято, — Банкир величаво наклоняет голову и добавляет — это разрешено правилом клуба. — Вся сцена выглядит ужасно театрально. Но никто не обращает на это внимания, все присутствующие без остатка захвачены игрой.

— Вскрывайтесь! — Торжественно провозгласил Банкир. Сергей Петрович, слегка побледнев, первым перевернул карты. Раздались сдержанные и восхищённые междометия, а потом все уставились на Алексея Ивановича. Тот был подозрительно спокоен и невозмутим, его взгляд холоден и безразличен. «Прямо-таки ковбой из Голливуда!» раздражённо подумал Сергей Петрович, сверля соперника яростным взглядом. Момент истины близок вот он, сейчас противник перевернёт карты и...

— Ваша дама убита! — бесцветным голосом произносит Алексей Иванович, взгляд его становится ироничным и даже чуть сочувственным. «Где-то я уже слышал подобное или прочёл в прошлом» — бьётся в мозгу у Сергея Петровича, а его сознание никак не может прорваться сквозь пелену странного оцепенения. «Какая, к чёрту, дама, — думает он в раздражении, и тут до него доходит эта аналогия — Пиковая Дама!». Он смотрит на карты соперника, флэш-рояль! И тут его лицо с вытаращенными глазами, на миг становится маской Германа.

Но в тот злосчастный вечер Сергей Петрович был далёк от каких-либо аллегорий. В голове звенящая пустота, остекленевший взгляд, застывшее лицо. Сколько это длилось? Мгновенье, вечность?

Спустя годы всё уже вспоминалось, как ужасный сон. Собственно, сам ужас был спрессован в секунды, даже мгновенья. Воистину – удар судьбы! Все последующие воспоминания, лишь эхо от гигантского провала. Так что первые минуты после катастрофы прошли, как в тумане, на автомате.

Коллеги по клубу как-то стыдливо и скомкано прощались, перед тем, как скрыться за дверью и отходили по одному. «Как с покойником» — именно такая мысль возникла у него тогда. Последним подошёл Банкир.

— Сергей Петрович, голубчик, — сказал он с озабоченным видом. — Я, конечно, понимаю ваше состояние, но, тем не менее, вынужден напомнить — три дня крайний срок.

Бородин нашёл в себе силы ответить сдержанным кивком. С каменным лицом он со всеми раскланялся, и с каменным сердцем вернулся домой. Он хотел остаться один и больше не видеть эти сытые рожи, не слышать лживые слова поддержки и сожаления.

Надо признаться, Алексей Иванович, в самый драматичный момент, проявил себя достойно. Он спокойно собрал со стола свой выигрыш, попрощался учтиво с членами клуба и вытянувшись по-военному, как бы салютуя, картинно кивнул Бородину, не проронив ни слова.

Сергей Петрович достойно принял удар судьбы. Он нашёл в себе силы любезно попрощаться со всеми, отклонив предложение Банкира подвезти его. Ему, вдруг, стало невыносимо горько. «Эти самодовольные ублюдки даже не представляют всего масштаба катастрофы для меня». Для них, баловней судьбы, такой проигрыш, конечно, ощутимая потеря. Для него же это была катастрофа.

Все присутствующие имели склонность к риску. Все они были, безусловно, состоятельными людьми. И Алексей Иванович – сыночек высокопоставленных родителей, и другие участники, имели постоянный, очень приличный доход. Что тут говорить о Банкире. Был среди них и значительного масштаба торговый представитель. Был даже дантист, представьте себе, милый еврей, который, по слухам, по богаче многих. Словом, для любого из них, такая сумма была бы конечно серьёзным ударом, но не фатальным. Сергей Петрович в их клубе, представлял исключение. Для него такой проигрыш был именно фатальным. На самом деле, Сергей Петрович в этой солидной компании был по существу белой вороной. Не по воспитанию, образованию и положению, а исключительно в плане материальной обеспеченности. Он умело скрывал свои скромные финансовые возможности, создавая образ вполне успешного и богатого человека.

Вот и Генерал, имевший по определению, как человек венный, склонность к риску и даже обязанный рисковать, тоже имел, неплохой официальный доход. А по слухам, его неофициальный доход был гораздо выше основного. Никто из них даже не подозревал, что Сергей Петрович проигрался в прах.

До этого случая он старался не думать о возможности столь крупного проигрыша. Он был убеждён, что всегда может остаться в разумных пределах. Риск в разумных пределах! Звучит достаточно нелепо и даже абсурдно. Но только сейчас он заметил это трусливое противоречие. А ему всегда казалось, что он рискует, конечно, но всегда может остановиться. Ему казалось, что, имея на руках определённую сумму, которую он мог позволить себе проиграть, он имеет право предаться контролируемому риску. Как глупо и самонадеянно! Риск, по определению категория трудно контролируемая, а случается и вовсе может выйти из-под контроля.

На самом деле личный ресурс Сергея Петровича был невелик. Вся его внешняя финансовая состоятельность была лишь видимостью и зависела почти целиком от супруги. Разумеется, она не снабжала его наличностью для картёжных забав, но большинство счетов по хозяйству оплачивала именно она, и к её чести никогда не опускалась до упрёков по этому поводу.

Они были очень разными людьми; и по происхождению, и по образованию, и по воспитанию. По сути, их брак был классическим мезальянсом, и в личной жизни они давно существовала параллельно. Это их обоих устраивало – Анна Семёновна вполне была удовлетворена статусом профессорши, Сергей Петрович – тем, что великое бремя семейного бюджета его не касается, что позволяет ему жить свободно и творчески.

Кроме того, Анна Семёновна, была женщиной властной и высокомерной. Поэтому Сергей Петрович, старался не выходить за рамки приличия. Так что внешне их брак выглядел степенным и прочным союзом.

На данный момент высокочтимая супруга пребывала в отъезде. Могущественный папа устроил ей заграничный тур, недельки на три, хоть тут ему повезло. Хотя в чём тут везение? В её отсутствии или в её бриллиантах? А ведь как всё совпало! Может это знак? Да, но что это ему даёт? По крайней мере, спасёт его честь, пусть частично, но что будет потом?

Жена, безусловно, воспримет всё произошедшее, крайне, негативно, вне всяких сомнений. Разумеется, всё тут же станет известно всемогущему папе, а на что способен этот самодур в гневе, страшно представить! Так что шаг в бездну, по сути, единственный выход. Нет, можно, конечно, попробовать у кого-нибудь занять, с честнейшими заверениями вернуть всё до копейки, лет, этак, через десять. Вот только где найти такого дурака? И получается, что выхода действительно нет. И это предельно серьёзно. А ведь вчера ещё ничего не предвещало грозы. Ни тени, ни облачка на чистом горизонте его будущего. И тут всё летит к чертям. Где он оступился, где совершил ошибку, теперь какая разница. Надо решать всё сейчас, и решать срочно.

Хотя есть один выход, но опять же, выход в один конец. Бриллианты жены. Это единственная возможность решить проблему в тот короткий срок, что отпущен ему регламентом клуба. «Что ж, - мрачно и возвышенно рассуждал Сергей Петрович – это единственный шанс сохранить честь, пусть и ценою жизни».

Надо сказать, что на момент этих рассуждений он уже изрядно нагрузился виски, а алкоголь придаёт подобным размышлениям изрядную долю драматизма. «В сущности, я могу решить проблему просто – прострелив себе голову. Правда это не избавит его от позора перед клубом. Перед теми людьми, которых он, если и презирал в силу своего культурного превосходства, но и искренне уважал и почитал, как бесспорных лидеров, элиту, что тут скромничать. Как просто достойных людей, наконец. Жена всё равно не поймёт и не оценит его поступка. Нет уж. Какого чёрта я должен ещё и оправдываться или даже каяться?! Перед ней, перед этим самодовольным болваном тестем. Если уходить, то уходить красиво и пусть, потом эти люди тебя проклянут, мне плевать! Так было при жизни и так останется после. Важно то, что другие люди, более значимые, если помянут его, то с достоинством и уважением. Так что решено!» — продолжал он накручивать себя, и наливал ещё виски.

Наконец, Сергей Петрович провалился в тяжёлый сон, совсем забыв, что утром у него встреча с Геннадием Генриховичем. Не вспомнил он о ней, когда утро уже наступило. Напомнил сам рижанин, позвонив ему на домашний телефон.

Глава 5

— Алло, Сергей Петрович, вы не забыли? Мы с вами вчера договаривались встретиться утром в Галерее. Да, да, простите, это Геннадий Генрихович, я к вам вчера заходил. Да, хорошо. Я буду ждать вас у входа.

Сергей Петрович плохо спал, плохо себя чувствовал, неважно выглядел, но старался держаться невозмутимо. Он сдержанно извинился, объяснив в неопределённых тонах причину своей задержки.

— Ну что вы, дорогой Сергей Петрович, = заботливо отвечал рижанин Директору, в ответ на его довольно путанные объяснения – мне спешить некуда, и я бы не хотел вносить изменения в ваши планы, — и добавил озабочено – но дело есть дело.

Как ни старался Сергей Петрович, так он и не смог полностью избавиться от следов мрачных, ночных размышлений. Рижанин, если и заметил эти следы, то не подал виду.

Они направились в архив, где Спроге хотел собрать как можно больше общей информации, как он выразился, наиболее привлекательной для заграничного обывателя. Но работа не заладилась с самого начала. Собственно, присутствие Сергея Петровича носило, по сути, формальный характер и было, скорее, данью уважения гостю. Геннадий Генрихович недолго отдавался работе. Отложив в сторону очередные материалы, он серьёзно и без обычной ироничности, спросил:

— Послушайте, Сергей Петрович, я вижу, вы буквально не в себе, на вас лица нет, может вы заболели?

Бородин взял себя в руки и отвечал сдержанно:

— Ну что вы, не стоит беспокойства. Вы не обращайтесь на меня особого внимания, просто сегодня я неважно спал. Геннадий Генрихович пожал плечами, но к работе возвращаться не спешил. Он некоторое время внимательно смотрел на Сергея Петровича, а потом со вздохом сказал:

— Уважаемый коллега, мне честно говоря, сегодня что-то не очень хочется ковыряться в бумажках. Бывает, знаете, накатывает вдруг беспричинная лень, но на следующий день она обычно проходит. Так что, если накатит, то лучше ей не противиться.

Сергей Петрович, словно очнувшись, спросил бесцветным голосом:

— И что же вы предлагаете, коллега?

— Я предлагаю вкусно отобедать на свежем воздухе, пораньше вернуться домой, хорошенько выспаться, а уже завтра с новыми силами, как говорится, за работу. Ну как? — Спроге смотрит совершенно невозмутимо, смешно подняв брови. — Кроме того, мне бы хотелось услышать и ваши оценки, наблюдения, по интересующей меня, теме в непринуждённой, как говорится, обстановке.

Бородин задумался ненадолго. «А чего я теряю? Вечером позвоню Ювелиру, договорюсь о встрече, намекну на хороший процент, думаю, он непременно заинтересуется и дело закончится быстро» — а вслух он сказал:

— Я не против.

Ресторан на открытом воздухе, под сенью лип под легким навесом, был незнаком Сергею Петровичу, а Геннадий Генрихович видимо бывал здесь не раз.

— Здесь отличная кухня и всегда свежий воздух, чего лучше можно пожелать в жаркий полдень, — сказал он с улыбкой, когда они устроились за столиком в маленькой уютной беседке на двоих. Пока выбирали блюда, пока делали заказ, Геннадий Генрихович оживлённо болтал с молоденькой официанткой. Сергей Петрович хранил мрачное молчанье.

— Я вижу, что-то произошло вчера с вами, может, поделитесь? — Спросил, как бы между делом, Геннадий Генрихович, отпив глоток холодной воды. Сергей Петрович в ответ вяло махнул рукой. Жест неопределённый и даже невежливый. Он решил отбросить правила этикета, и вести себя, совершенно не задумываясь о чужом мнении. Принесли живописный салат, мясную нарезку и запотевший графинчик с водкой.

— Это дело поправимо, иначе для чего мы сюда пришли? — легкомысленно заметил Геннадий Генрихович и даже подмигнул. «Наверное, напрасно я согласился составить ему кампанию», — с вялым раскаянием подумал Бородин, — а впрочем, всё уже решено, он уже, фактически, договорился с Ювелиром. Пусть эта договорённость была по телефону и носила предварительный характер, он считал сделку практически решённой — Ювелир знал цену каждому слову в таких случаях, даже, сказанному по телефону.

Между тем Спроге разлил водку, поднял свою рюмку и сказал с улыбкой:

— Вы, русские, совершенно несправедливо полагаете, что снятие стресса выпивкой — ваша национальная черта. Вовсе нет. Испокон веков у всех народов главный повод хорошо выпить, это снять напряжение и выговориться. Поплакаться в жилетку, так сказать. За это и выпьем.

Он торжественно отсалютовал Бородину рюмкой и лихо выпил, не дожидаясь его. Сергей Петрович также поднял рюмку и осушил её одним глотком. Водка обожгла горло, внутри что-то обмякло, и он почувствовал, что здорово проголодался. Геннадий Генрихович не стал докучать разговорами, а налил ещё по одной. Со стороны могло показаться, что два старых приятеля ведут душевную беседу. Хотя, если приглядеться, в основном говорил один, а другой сумрачно внимал, глядя поочередно, то в тарелку, то в рюмку.

Когда показалось дно у графинчика, Сергей Петрович, вдруг, словно очнулся. Он поднял голову и впился в рижанина таким взглядом, что тот споткнулся на полу слове. А Бородин, вперив трагический взор в левый глаз профессора, заявил, торжественно и трагически:

— А ведь мне, Геннадий Генрихович, предстоит сделать уже завтра важный выбор. Понимаете? Если добавить пафоса, то можно сказать, роковой выбор! — Бородин хотел добавить, что-то о смерти и бесчестии, но передумал. Взгляд его затуманился, и дрогнули уголки губ

Зачем он это говорит, едва знакомому и, по сути, чужому человеку? Да ещё преподносит всё в этаким помпезном стиле? Но, Бородин и в самом деле мыслил тогда подобными категориями. Он прекрасно сознавал, что сейчас в нём говорит водка, но было уже всё равно. Вдруг его пронзило до самого сердца холодное безразличие этих простых слов. ВСЁ - РАВНО. Чёрное и белое, старое и новое, великое и смешное – ВСЁ РАВНО. Даже жизнь и смерть. Ему вдруг стало легко и холодно, и он уже совершенно по-иному посмотрел на новый графинчик, появившийся на столе. Всё – равно. А если так, то почему бы не исповедаться приятному и достойному человеку?

— А знаете, дорогой Геннадий Генрихович, — заговорил Бородин, решив начать с интригующего заявления. Он, поставив на стол осушенную рюмку и, некоторое время, смотрел, не отрываясь в лицо собутыльника, потом опустил взгляд и тяжело вздохнул. — Перед вами самый безрассудный и безответственный человек в этом городе. Да, да, вот он... — Он некоторое время смотрел вдаль, потом вздохнул тяжело и продолжил. — Я, профессор, уважаемый человек, позволил себе непростительную слабость и не успел оглянуться, как оказался на самом краю пропасти, вы уж простите, который раз, мою выпренность.

Он вздохнул, задумался на секунду, затем поднял глаза и испытующе уставился на коллегу и собутыльника.

— Геннадий Генрихович, вам приходилось когда-нибудь делать ставки на скачках, играть на бирже, или, не дай бог, играть в карты на деньги?

Рижанин к этому неожиданному вопросу отнесся внимательно и серьёзно, как будто давно его ожидал. Он достал свои ароматные коричневые сигареты, окутался дымом, а потом сказал:

— Честно признаться, случалось, и мне поигрывать. И как-то раз, я даже проигрался и довольно крупно. И именно в карты. Впрочем, это давняя история.

— Ну, тогда мне будет много проще поведать вам свою историю, – Сергей Петрович вздохнул с облегчением, и уже сам разлил водку. – А вам проще будет меня понять.

Рижанин понимающе кивнул, и поднял свою рюмку. Они выпили, и Бородин продолжил:

— Совсем недавно, буквально вчера в моей жизни случился фатальный поворот. И это связано именно с игрой...

И Сергей Петрович поведал рижскому профессору свою историю. Поведал как на духу, страстно и образно. Он выплеснул всё, без остатка, и замер, уставившись пустым взглядом в пространство. Потом вздохнул, словно очнувшись, и потянулся к графину.

Спроге всё это время молчал, задумчиво покуривая очередную сигарету. Бородин, честно говоря, не ждал от него ни понимания, ни каких-либо слов утешения. Он вообще не ждал ничего. Просто необходимо было снять хоть каплю душевного груза. Рижанин продолжал курить и казался, совершенно отрешённым. Сергей Петрович некоторое время внимательно разглядывал его, а затем его охватило пьяное раскаяние. Он уже пожалел, что проявил минутную слабость. «Искренность, это опасно. Много искренности - смертельно опасно. Примерно так высказался как-то остроумнейший Оскар Уайльд, а может и не он вовсе... ВСЁ РАВНО...»

— подумал Бородин и горько усмехнулся, – сейчас, в его положении, думать о потере лица глупо, чем же он рискует? Конечно этот рижский профессор, в сущности, ему никто, так, случайный попутчик в вагонном купе поезда, под названием жизнь. Зачем тогда всё это? Ведь никакого облегчения не наступило.

Геннадий Генрихович тщательно потушил сигарету, взял графинчик и наполнил очередную пару. Они привычно отсалютовали друг другу и выпили. И тут рижанин заговорил:

— Да, положение ваше серьёзно. И что вы намерены предпринять? — Бородин лишь кисло усмехнулся, ковыряясь вилкой в остатках нарезки. Последняя стопка накрыла его сентиментальной волной. Ему вдруг послышалась нотка участия, в сущности, дежурном вопросе, и он со вздохом произнёс:

— Есть два выхода – простой и сложный. И оба они ведут в никуда. Я могу заложить бриллианты жены, а потом пустить пулю в лоб, либо бриллианты не трогать, но пулю всё равно пустить придётся. Теперь для меня главное сохранить честь, это лучшее, что я могу сделать сейчас. «О, боже, — тут же мысленно застонал Сергей Петрович – как всё это пошло, и неужели пошлость может быть трагичной. Скорее – трагикомичной. Надо взять себя в руки, и вообще пора и честь знать, как говорится. Домой».

Он длинно вздохнул, так, наверное, вздыхает жертвенный баран, глядя на солнце в последний раз. «Для чего это человек стремиться, временами, поведать что-то важное и личное, другому, совсем незнакомому, постороннему человеку? А может в этом-то всё и дело? Может ему это сейчас необходимо, по высшему определению. Это, по сути всё, что он может себе позволить, на данный момент. Всё. И ничего более. Он даже не может оставить завещание, потому что не имеет смысла завещать официально долги. Он не может даже проститься с родными, не потому что их у него нет, а потому, что они, в сущности, чужие друг другу люди. И получается, что вся его жизнь, положение в обществе, образование, воспитание, интеллект, всё к чёрту. Всё в жизни пустая возня и всё, воистину – суета сует. Ну, довольно, действительно пора прощаться». Бородин встал, и его заметно качнуло в сторону. И в это время Спроге мягко, но настойчиво придержал его за руку.

— Погодите, задержитесь ещё на минуту, – попросил он, и Бородин снова плюхнулся на стул.

— Я хочу сделать вам предложение, пожалуйста, не перебивайте меня, — внятно и раздельно заговорил он, а Сергей Петрович постарался сосредоточиться. – Предложение неожиданное, и если вы его примите, то ваши проблемы будут решены легко и главное вовремя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.